

ТУВЕ АППЕЛЬГРЕН • САЛЛА САВОЛАЙНЕН

Веста-Линнея и капризная мама

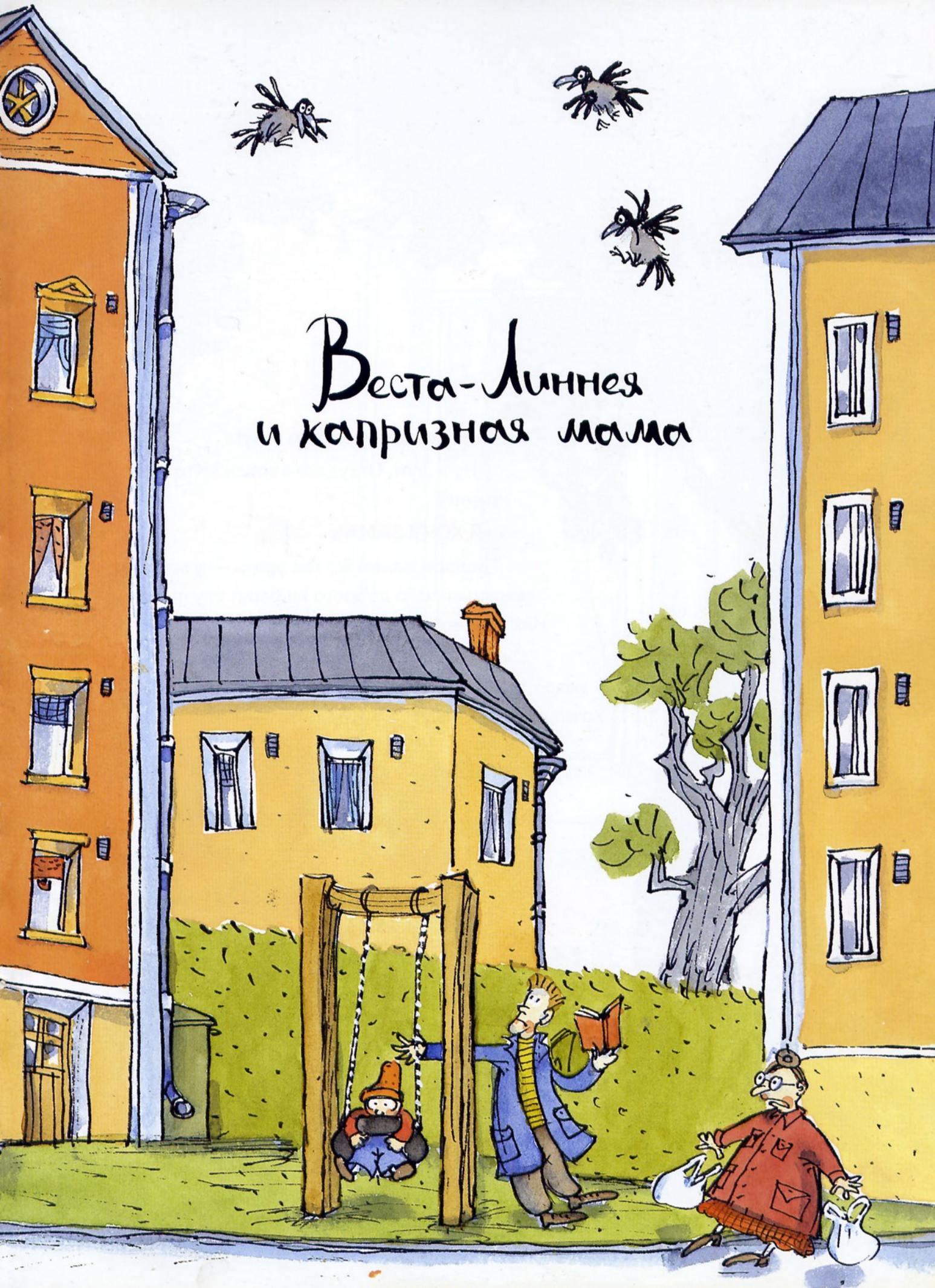

Веста-Линнея
и Капризная мама

«Нееееееееееет! Не хочу!»

Ну и шум. Откуда эти вопли? Кто это кричит?

«Я ХОЧУ САМА!»

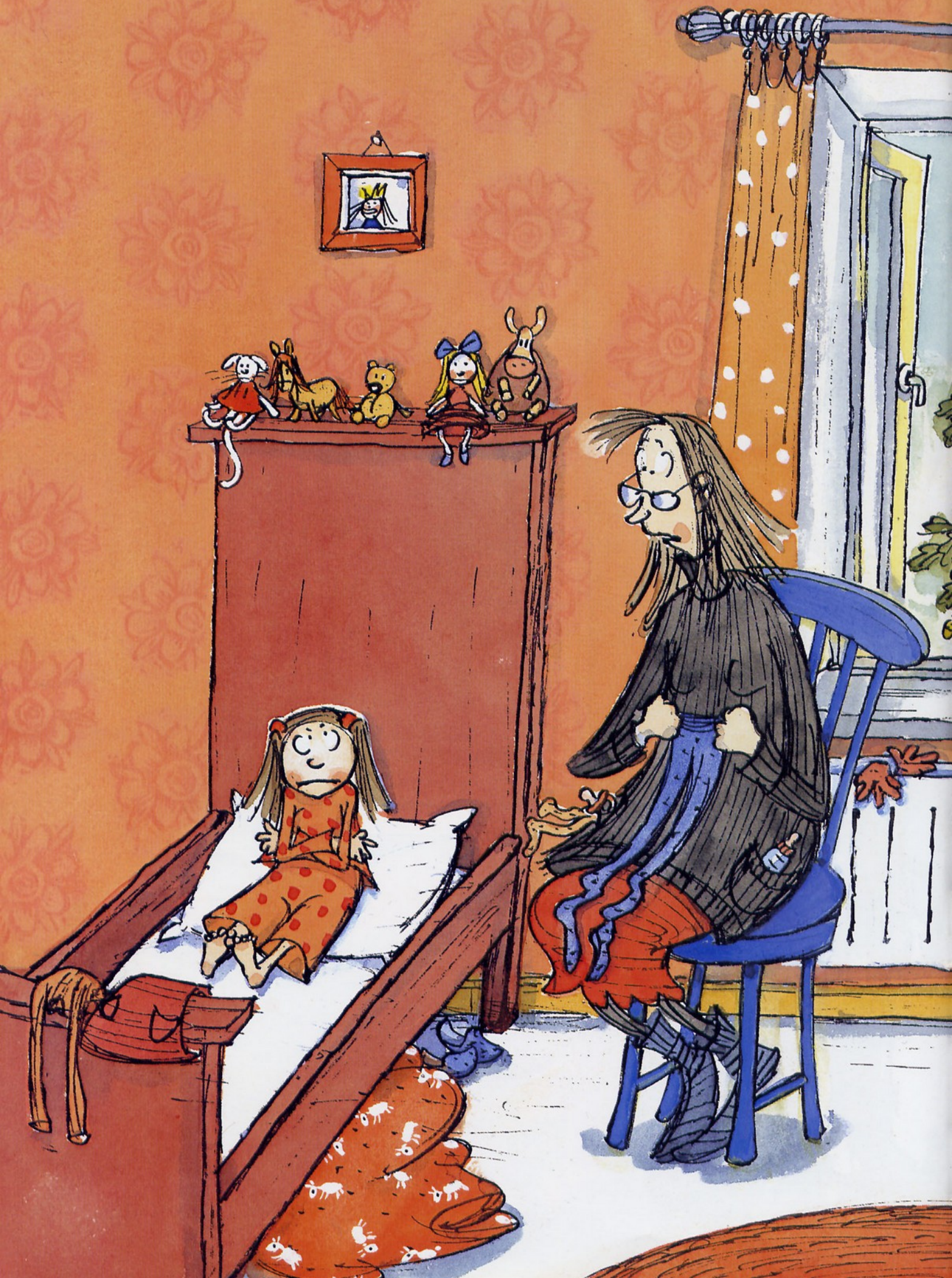
Господи, зачем же так орать — у маленькой зверюшки чего хорошего инфаркт случится. Или свалится на землю и сломает себе хвост.

Окно открыто. Кто это кричит и как её изволите понимать — она не хочет или всё-таки хочет сама?

Мама Весты-Линнеи тоже озадачена:

— Тебе помочь?

Веста-Линнея рычит.

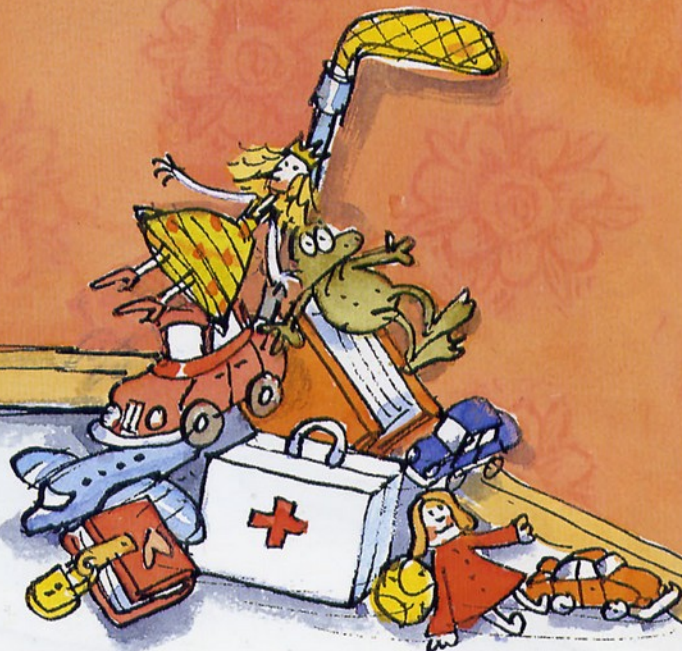
— Ну пожалуйста, — говорит мама. — Скажи, как ты хочешь. Хочешь сама? Я знаю, ты умеешь.

— Ничего я не хочу.

— Такой ответ не годится.

— Ненавижу колготки! — отвечает Веста-Линнея.

Мама отлично всё понимает. Колготки вечно сползают. Но зачем повторять то, что и так всем известно.

— Надевай колготки, нам пора. Я не хочу опоздать, — говорит мама. Своим очень спокойным голосом.

— Но я не хо...

— Хватит! — обрывает её мама. Голос у неё такой же спокойный. И такой же приятный, как у голодного белого медведя, замёрзшего во льдах.

Веста-Линнея понимает, что дело принимает серьёзный оборот. Скоро она по-настоящему рассвирепеет, эта мама. Лучше всего тихо-тихо одеться. Миленько улыбнуться. Может, даже сказать «прости»... Но...

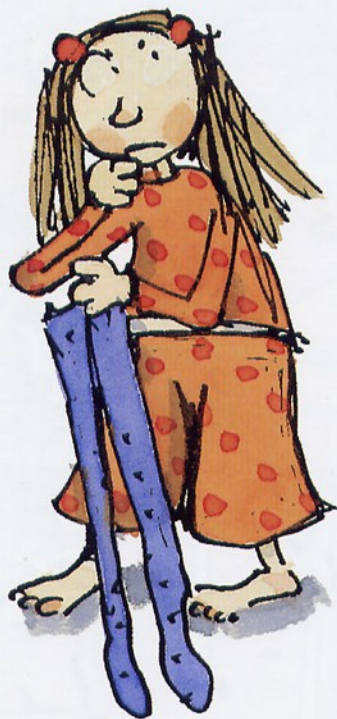

— Ты меня перебила! Нельзя перебивать собеседника!
Ты сама мне говорила, я точно знаю, что этого делать нельзя!
Что теперь будет?

Веста-Линнея затаила дыхание. Ну зачем она так сказала?
Она же не собиралась грубить. Мама молчит. Ни слова не
говорит. Весте-Линнее уже начинает казаться, что белый
медведь — более приятная компания.

— Через пять минут я уйду. Если хочешь пойти со мной...
в общем, сама знаешь, — говорит мама, разворачивается
и выходит из комнаты.

Веста-Линнея слышит,
как мама направляется в ванную
и причёсывается. Злобно так
причёсывается. Веста-Линнея
натягивает на себя одежду.
В том числе мерзкие колготки.
Она идёт к маме. Она хочет
ей что-то сказать, но мама
даже не смотрит в её сторону.
Мама всё причёсывается.
Очень злобно.

По дороге в парикмахерскую мама молчит.

Но в парикмахерской она щебечет как ни в чём не бывало. Правда, на Весту-Линнею она вообще не обращает внимания.

«Ну тогда и мне на тебя наплевать, — думает Веста-Линнея, — раз тебе на меня наплевать». И улыбается своей милейшей улыбочкой парикмахерше, которая говорит, какие у мамы замечательные и умные дети. Веста-Линнея не слышит, что там мама бормочет в ответ.

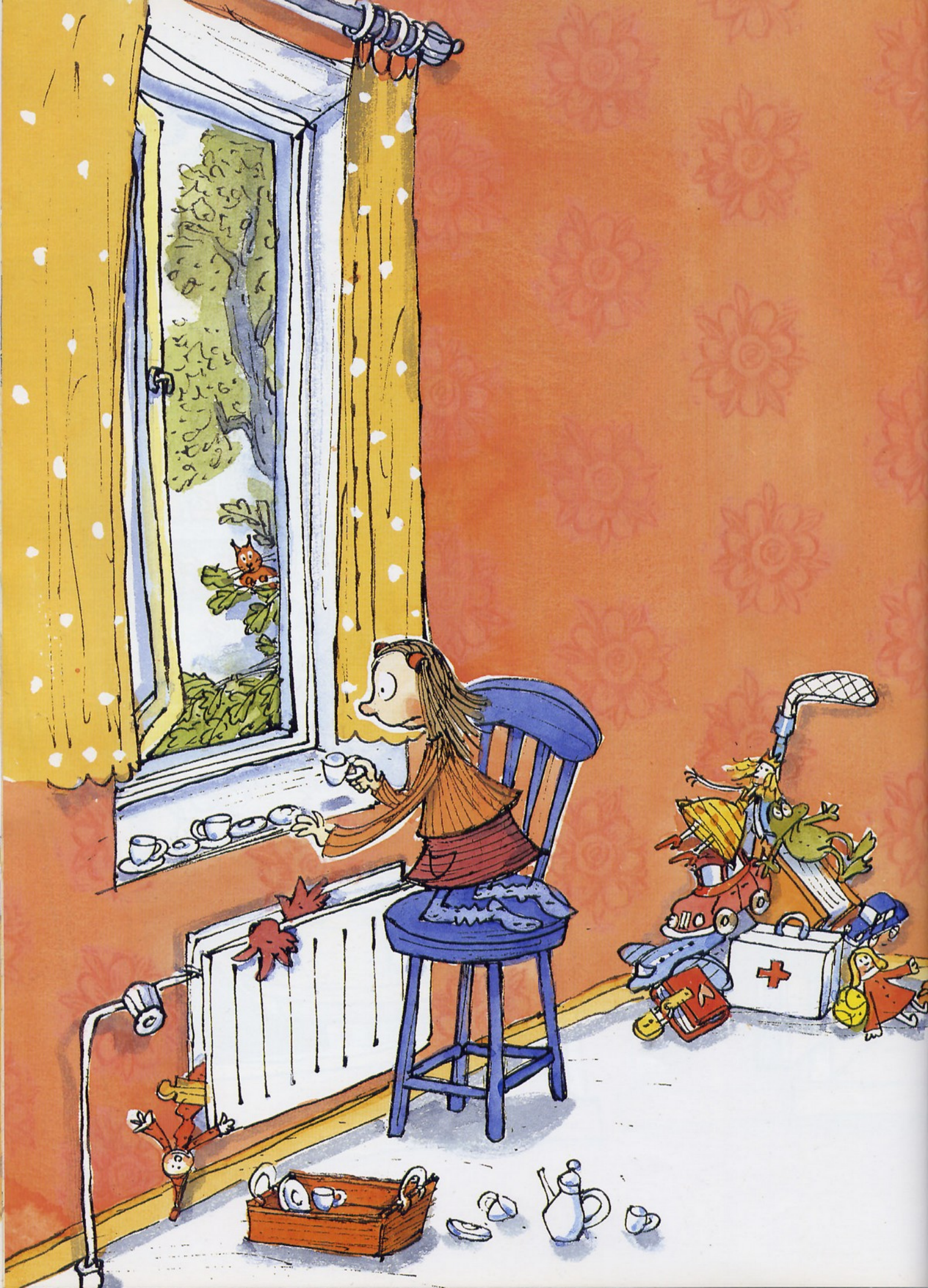
Потом они идут в магазин,
а потом возвращаются домой. Мама
по-прежнему ничего не говорит.
Только: «Открой дверь, пожалуйста»
и «Не грызи ногти». Веста-Линнея
идёт в детскую. Мама возится на кухне.
Она сердится? Так и не разглядишь,
окна давно не мыли. Вид у неё грустный.
Она сидит на диване. Потом вздыхает
и встаёт. И снова садится. Новая
причёска ей вполне идёт, чем же она
недовольна? Если мама не поставит
молоко в холодильник, оно прокиснет.
Она что, забыла? Вот мама прислушивается,
что происходит в детской комнате.

Веста-Линнея играет в свой фарфоровый сервиз. Она накрывает на стол. Чашку младшей сестре, чашку старшему брату, чашку себе, чашку Виктору. Маме чашку она не ставит. Под каждую чашку — блюдце, а рядом — тарелочку для пирога. С посудой надо обращаться очень осторожно, мама сказала, что она может разбиться. Точь-в-точь, как настоящие стаканы и тарелки, хотя это всего лишь кукольный сервиз. Очень уж хрупкий этот фарфор. Веста-Линнея расставляет чашки в ряд на подоконнике, на самом краю. Чашки слегка покачиваются. «Только бы ничего не разбить, какой же неровный этот подоконник!» — думает Веста-Линнея. Внезапно в дверях появляется мама. Дзынь! Веста-Линнея так испугалась, что задела чашку рукой. И вот чашка лежит на полу. Разбилась на три части.

Веста-Линнея плачет. Мама кричит.

— Вот, значит, как ты обращаешься со своими игрушками! А знаешь ли ты, что у некоторых детей вообще нет игрушек, а ты всё ломаешь! О чём ты, спрашивается, думаешь? Немедленно собирай осколки! Выброси их, пока никто не порезался!

Веста-Линнея плачет ещё сильнее — она уже громко воет.

— Я не слышу, что ты говоришь! Хватит кричать! — кричит мама.

— Склеить! Её можно склеить! — пытается сквозь слёзы и сопли выговорить Веста-Линнея.

— Убирай! Или я сама уберу!

Веста-Линнея плачет. Она сидит на полу и плачет, и плачет, и никак не может успокоиться.

Мама приносит пакет и собирает осколки.
От злости она вся трясётся. Из глаз её тоже
брызжут слёзы.

— Нееееет! — кричит Веста-Линнея. —
Её можно склеить!

Но, подобрав все осколки, мама уходит.

— Я не хочу с тобой жить!

Мама возвращается.

— Что ты сказала?

Веста-Линнея молчит. Мама уходит.

— Я не хочу с тобой жить!

Мама возвращается.

— Вот как?

Мама как будто хочет сказать что-то ещё,
но вместо этого делает глубокий вдох.

— Вот как, — повторяет она.

И уходит.

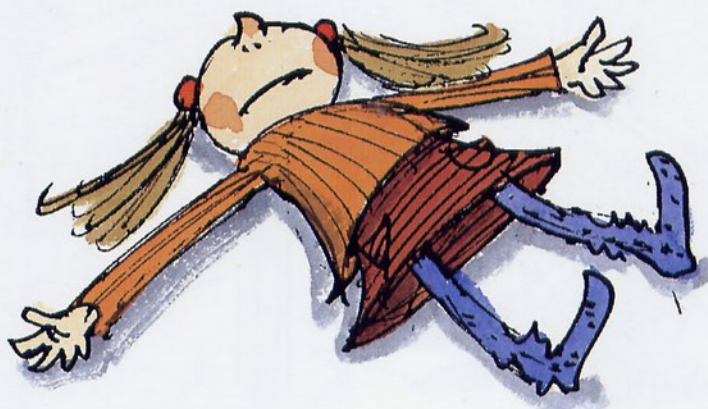
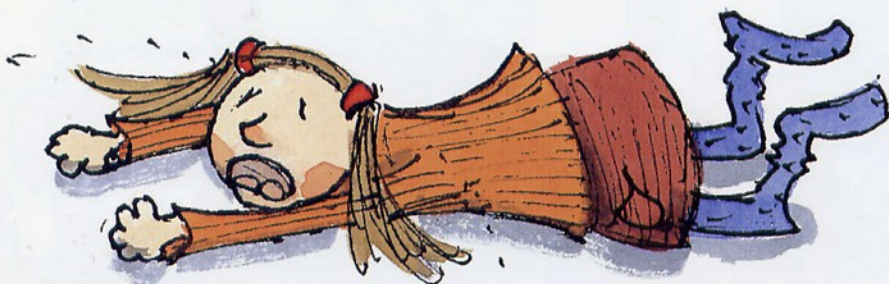

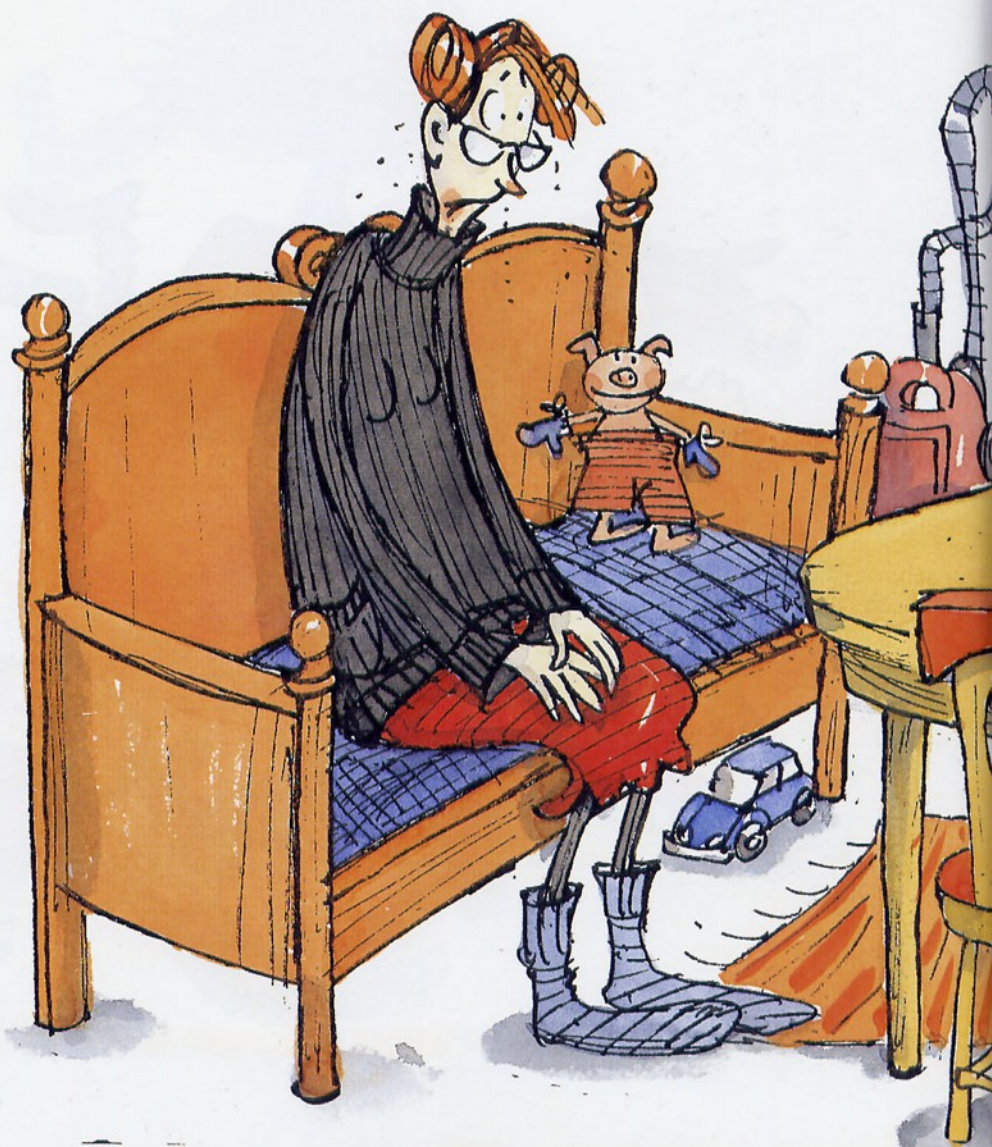

Весте-Линнее становится совсем не по себе.
Она плачет, потом воет, потом кричит, потом
орёт, потом... засыпает.

Мама стоит на кухне с пакетом в руках.
Опускает его в мусорное ведро. Садится
на диван.

Когда Виктор и Пауль-Аксель приходят домой, молоко так и стоит на столе.

— Как у вас тихо и спокойно. Как же хорошо дома! — говорит Виктор и направляется на кухню.

Пауль-Аксель обнаруживает спящую сестру. Он качает головой. Что тут произошло? Он достаёт «лего» и начинает строить длинную-длинную железную дорогу. Веста-Линнея спит. Прямо на полу. «Ну и ладно, будет горой», — думает Пауль-Аксель.

— Я самая плохая в мире мама, — плачет мама на кухне в объятиях Виктора. — Мне вообще не надо было рожать детей! Я — монстр, а не мама, — всхлипывает она.

Виктор утешает её. Потом идёт в детскую — посмотреть, как там Веста-Линнея. Веста-Линнея спит, она — по-прежнему гора, через которую проложены рельсы. Пауль-Аксель вопросительно смотрит на Виктора.

— Ну... — говорит Виктор.

— Понимаю, — говорит Пауль-Аксель.

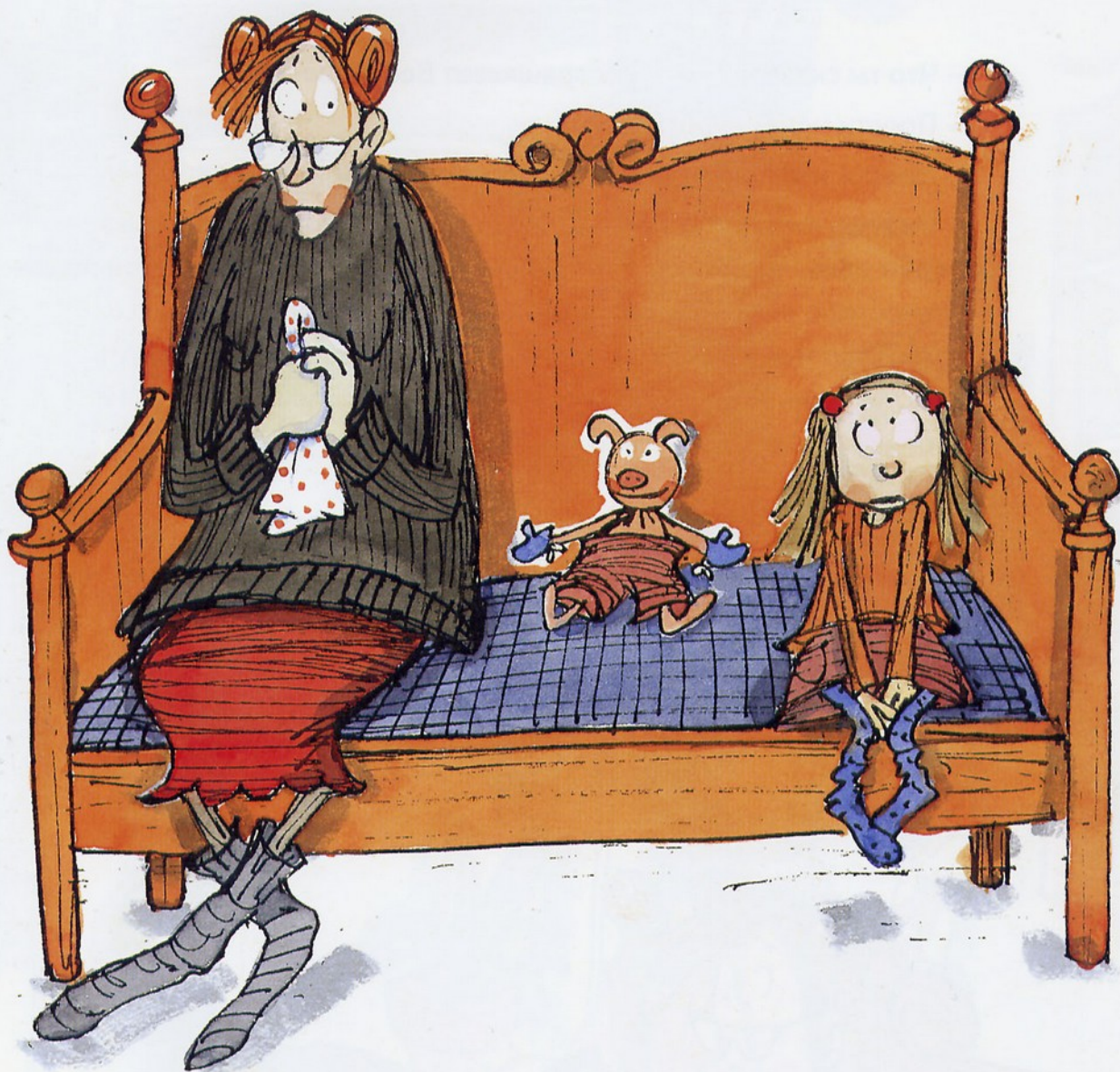
Гора просыпается. Веста-Линнея растерянно смотрит на своего брата, потом на Виктора.

— Где мама? — спрашивает она.

— На кухне, — отвечает Виктор.

Сперва Веста-Линнея не осмеливается взглянуть на маму.
А мама не осмеливается взглянуть на Весту-Линнею.
Веста-Линнея садится на диван. Они сидят на разных концах
дивана, как можно дальше друг от друга. Но диван довольно
маленький. Мама еле слышно пищит.

— Что ты сказала? — переспрашивает Веста-Линнея.

— Прости меня, дорогая.

— Прости меня, мама, — Веста-Линнея крепко обнимает маму.

— Видишь ли, я планировала, что мы с тобой так замечательно проведём день, — пытается объяснить мама, — но потом всё пошло наперекосяк, и я очень расстроилась, а потом очень разозлилась. Не надо было мне ничего планировать. Я же не могу спланировать твоё настроение. Никто не может всегда быть милым и в хорошем настроении. Хотя так, конечно же, было бы очень удобно, — улыбается мама.

— Теперь давай склеим твою чашку, — добавляет она, но потом продолжает объяснять: — Просто мне не всегда нравится то, что ты делаешь, но люблю я тебя всегда.

Веста-Линнея кивает. Вот и у неё то же самое.

— Мама, ты не всегда мне нравишься. Но люблю я тебя всегда!

